

УДК 171:141.32

АНАЛИТИКА САМОСТИ В ОНТОЛОГИИ М. ХАЙДЕГГЕРА И В ТОТАЛЛОГИИ В. КИЗИМЫ

Волков А. Г.

В статье рассматривается топология присутствия. Изучается своеобразие места в пространстве существования. Показывается своеобразие расположения в зависимости от отношения к самости. Место присутствия определяет характер отношения к Я, соответственно, бытия в мире. Анализируется проблема сохранения самости при различных модусах существования.

Ключевые слова: *присутствие, бытие, мир, самость, Я, другой, поступок, событие, подвижничество.*

Предметом исследования является аналитика самости в онтологии М.Хайдеггера и в тоталлогии В. Кизимы. **Цель** исследования состоит в раскрытии топологических характеристик присутствия.

Проблема присутствия рассматривается М. Хайдеггером с третьей по пятую главу «Бытия и времени» [3, с.63-79]. Потребность в прояснении, каким существование есть «здесь» и «теперь» предполагает внесение в онтологию топологической проблематики. Постановка вопроса о топологическом понимании действительности поставлена также в тоталлогии В. Кизимы, который считает, что существует: «...необходимость ревизии старой линейно причинно-силовой парадигмы и перехода к топологическому пониманию действительности как связного, но подвижного и изменчивого единства многообразия, которое, сохраняя свою преемственность, перманентно обновляет не только форму, а и содержание» [2, с. 4]. Обратим внимание, что если у М. Хайдеггера топологическая проблематика обусловлена экзистенциальной бытия, то у В. Кизимы – философией обновления или тоталлогией. Сопоставление двух подходов будет способствовать пониманию своеобразия каждой из них.

Присутствие здесь-и-теперь у М. Хайдеггера наделяется пространственностью. Необходимость такого шага выявляется при обсуждении декартовской онтологии мира, где ставится вопрос о возможности существования познающего сущего, которое способно распознать свое присутствие в мире. Это сущее рассматривается как внутримирное [3, с. 101]. По отношению к нему появляется возможность обозначить то, что его окружает, которое выступает по отношению к нему как подручное. Отсюда следует положение о пространственности внутримирно подручного, рассматриваемое как средство, которое используется в мире, имеющее определенное место. М. Хайдеггер выступает против рассмотрения пространства и

места как произвольного расположения вещи. Для него оно всегда предполагает указание на некоторое средство, что связано с потребностью показать проявление сущего. Именно поэтому место есть определенность направленности «туда» или «сюда», что показывает принадлежность средства. Место не просто есть, оно конституируется при ориентации на определенную область [3, с. 102]. В результате этого ориентирования подручное составляет «окружное», то есть то, окружает присутствующее, понимаемое как «свойственное», то есть обладающее определенными свойствами.

При изучении пространственности бытия-в-мире М. Хайдеггер исходит из того, что оно должно рассматриваться «из способа бытия этого сущего» [3, с. 104]. Соответственно, именно сущее выступает основанием для определения места в пространстве, которое выявляется посредством рассмотрения его расположения и направления. Их рассмотрение является усмотрением проявлением этого сущего, в первую очередь в «озабочении», то есть заботе, которая захватывает само сущее. В зависимости от ее характера проясняется характер отдаленности.

Сущее проявляет себя в имени-деле в какой-то области [3, с. 110]. Именно тогда возникают возможности встречи сущего. Особенность такого «простираения» предполагает размещение в определенном месте. Только при таком рассмотрении проясняется следующее: «Ни пространство не в субъекте, ни мир – в пространстве. Пространство, которое «в мире»» [3, с. 111]. Этот мир уже определяет присутствие, которое и определяет раскрытие пространства, то есть место и расположение сущего.

Для прояснения, что представляет собой мир в трактовке М. Хайдеггера можно обратиться к трактовке тотальностей В. Кизимой, которые представляются как целостности, которые разворачиваются сами по себе, оставаясь идентичными себе [2, с. 18]. Мир и есть такая целостность, которая разворачивается из самого себя. После рассмотрения вопроса о положении сущего в мире, М. Хайдеггер ставит экзистенциальный вопрос о «кто» присутствии или Я как сущим, для которого «бытие всегда мое». Своеобразие этого сущего состоит в том, что даже при смене расположений и переживаний оно оказывается тождественным самому себе. Это Я онтологически рассматривается как субъект и имеет характер самости [3, с. 115]. Присутствие Я в мире предполагает соприсутствие других в повседневности бытия. Основным признаком Я состоит в его рефлексивности, благодаря чему оно имеет характер самости. Оно выступает в этом случае монадой, то есть разумной «единицей». По В. Кизиме любая тотальность разделена на дискретности, то есть относительно автономные образования, каковым можно считать Я по М. Хайдеггеру. Как дискрет Я способно сохранить самого себя, имеется в виду свою целостность, при этом, одновременно, способно к существенным трансформациям [2, с. 28]. Я в тоталлогии – это экзистенциальный дискрет, который определяет себя в понимании.

Для прояснения отношения Я и мира рассмотрим трактовку дивергенции в тоталлогии [2, с. 30]. Это понятие указывает, что тотальность имеет целостно-дискретный характер. Поэтому каждое Я может, одновременно, быть в мире, и выступать самостоятельным миром. Тем самым, Я, одной стороны, конституируется миром, а с другой, может навязать миру свой модус присутствия. Обычно для подчеркивания этой обусловленности используется понятие «внутренний мир».

Момент самоидентификации Я в тоталлогии В. Кизимы описывается следующим образом: «В тотальности действует особая форма детерминации самоидентификации, сущность которой состоит в том, что компоненты тотальности посредством целого воздействуют на самих себя [2, с. 36]. У М. Хайдеггера с этим положением соотносится тезис об обусловленности Я миром, к которому оно принадлежит.

При наличии других в мире присутствие оказывается соприсутствием. Я встречает других, но эта встреча говорит о присутствии самого себя. «Я-здесь» предполагает уже пространственность присутствия. Я имеет свое место, которое можно определить не с помощью категорий, а экзистенциально. Обратим внимание, как каким образом рассматривается вопрос об отношении Я и места. Я имеет место присутствия, поэтому оно приобретает определенность через то, что присутствует в мире. Соответственно, каждое место имеет определенный потенциал, определенную силу. Рано или поздно для Я возникает проблема поиска своего пребывания, то есть поиск места. Для определения места В. Кизима использует понятие топоса [41].

Присутствие здесь и теперь имеет отношение и озабочивает Я. Если же его исключить, то существование оказывается неопределенным, поскольку неизвестно, «кто» существует и «как». В этом случае не к кому обратиться, посоветоваться, поскольку отсутствует различие другого как ближнего или дальнего, своего или чужого. «Как быть» и «каким быть» должно быть Я, обязывает место присутствия своими заботами, иными словами возникает проблема соответствия. Когда зов места не принимается во внимание, Я не соответствует месту. Тогда вызывается негативное отношение, в результате возникает невостребованность. Становится ясным, что место предполагает характер применения Я не так как он себя полагает, а как он должен быть.

Местом можно завладеть обманом, прикрываясь своей потребностью, но рано или поздно он открывается, в результате чего Я его теряет. Я обретает свою подлинность в определенном месте, для которого оно предназначено, и, наоборот, теряется, испытывает страх, если это место еще не найдено, или оно не соответствует самости. Итак, становится ясным, что переживания определяются соответствием Я и места, которое оно занимает. Оно может, как преобразить Я, открыть его достоинства, способности, задатки, возможности, так и разрушить.

Место определяет, как быть, и каким должно быть. Оно призывает и определяет то, что должно быть исполнено, тем самым существование. Оно есть сфера проявления должного в применении. В этом аспекте послушание есть привыкание и подчинение месту в мире, исполнение того, что оно предполагает как обязанность. Принять послушание предполагает частичный отказ от себя, поскольку через вовлеченность проводит забвению себя. Это возможно благодаря закрытости места присутствия. Именно она позволяет сохранить Я. С ее устранением границы Я размываются, он оказывается в зависимости, уже не принадлежит себе.

Присутствие – это бытие при своей самости, сохранения определенного способа стояния, бытия при своем Я. Самость в этом случае содержит предназначение, которое заложено в Я как возможность, что, по Аристотелю, есть потенция. Присутствие – это со-стояние как стояние в определенном месте, которое предполагает применения в связи с возможностями, что предполагает сохранение себя.

Развития изнутри самого себя рассматривается В. Кизимой как генерологическое бытие, в отличие, от парсического, которое есть способность к разнообразию и преобразованию [2, с. 51]. Парсическое бытие – это небытие, но, в то же время, возможность, как неоформленность и неопределенность, которое еще установилось. И все же, тотальности каким-то образом сохраняют свое единство. Это возможно при условии наличия устойчивости у Я как дискрета, который стремятся сберечь себя. Противоположная тенденция – наличие парсики, то есть способности к преобразованию. Тем самым кризис целостности приводит к америческому состоянию.

В онтологии М. Хайдеггера большое значение приобретает герменевтический аспект бытия. Существование становится возможным посредством понимания себя и соприсутствия множественности других [3, с. 120]. Присутствие как соприсутствие в аспекте сущностного является событием. Но одиночество есть также событие, поскольку оно предполагает других как соприсутствующих, тем самым соприсутствие оказывается конституирующим фактором. Оно выражается в заботливости как способе конституирования присутствия. Место оказывается тем, где происходит встреча с другим как со-бытие, который претендует на место рядом и стремится его занять. Это желание проявляется в оценивании соответствия или несоответствия месту того, кто его занимает. Событие свершается как происшествие, что происходит между Я и другим, по отношению которого появляется возможность измерения таковости.

Событие оказывается измерением присутствия по отношению к тому, что есть должное. Событие есть свершение Я, его действия и поступок, то есть происшествие в определенном месте. Поступок есть поступь в продвижении и выявлении себя в действии. Он есть происшествие в определенном месте как осуществление Я, как его применение. Место как присутствие указывает на событие, поскольку что-либо произойти может только здесь, а не вообще где-то. Присутствие есть проявление Я в событии, в котором оно открывается в его подлинности. Можно приписывать себе определенные свойства, «красоваться», например, своим совершенством, готовностью быть справедливым, добрым, но событие может опровергнуть эти утверждения. То есть, в событии открывается самость, происходит проявление подлинного лика.

М. Хайдеггер различает способы заботливости в зависимости от модусов существования. В качестве негативных выделяются дефективный модус и модус индифферентности. Они предполагают отказ признавать другого, проходить мимо и не обращать внимания на него. В позитивном же модусе заботливости выделяется два аспекта. Один состоит в том, чтобы «взять заботу на себя», и тем самым заменить другого собой. Другой состоит в том, чтобы «заступиться», тем самым возложить на себя ответственного за другого.

Следует прояснить герменевтический аспект отношения к другому. Обратим внимание, что не всякое Я стремится раскрыть себя для другого, поскольку хочет скрыть свои подлинные цели. Поэтому присутствие предполагает набрасывание на себя покрывала, за которым можно скрыть себя. Покров состоит из «прекрасных слов», рассуждений о гуманизме, справедливости и добре, а под ним скрывается корыстность, жажда обладания, страх. Показывается только то, что не может осуждаться, вызывать подозрения и разоблачения. Поэтому спокойнее скрыть себя

под покровом обещания «быть добрым». Именно обещание является свидетельством неподлинности Я, которое стремится ввести в заблуждение. Обещающий, но не исполняющий, является несостоятельным, поскольку не может поделиться с другим. Обещание позволяет выглядеть так, как этого хотят, предстать неким образцом, на часто за ним скрывается насилие.

Аналитика присутствия показывает, что существование еще и применение, что обозначает «быть при мне», то есть самости, то есть быть закрытости и цельности, и, соответственно, сохранности. «Быть при» Я означает не изменять себе, удерживать его в определенном месте. Это означает не обвинять другого, а, наоборот, находить ему оправдание. Действительно он – слабый, но при этом следует иметь в виду ее относительный характер. Он может быть вялым, несерьезным, неспособным взять на себя ответственность и проявить самостоятельность. Однако такое состояние есть часть пути, и его нельзя произвольно изменить. Каждый проходит путь шаг за шагом, при этом следующий должен быть подготовлен определенным образом. Место имеет свою историчность, которая не может быть исправлена мгновенно. Кроме того, иногда то, что трактуется как «слабость», таковой не является. В этом случае обвинение в слабости есть, не что иное, как способ поставить другого под сомнение, расшатать присутствие, столкнуть со своего места. Соответственно, отказ оценить другого следует рассматривать как шаг к себе. Только в этом случае можно пойти ему навстречу. Даже тогда, когда он непослушный, когда отталкивает помощь, не способен понять заботу о себе, есть необходимость пойти ему навстречу.

Поэтому неудовольствие и раздраженность другим, в крайнем случае, презрение, не будет способствовать единству. Иногда оно достижимо не сразу, поскольку другой не показывает расположения, занимает позицию отрицания, более того, пренебрежения. Тогда просыпается обида на него, и он становится чужим, врагом, который, как предполагается, стремится нанести вред. Очень часто несостоятельность обиды на другого не осознается, она провоцирует протест, который понимается как зов свободы. Обида провоцирует отказ от самого себя, поскольку существование растрачивается на месть другому. Оказывается, что обида является экзистенциалом, при котором происходит забвение и утрата самого себя. Охваченный страстью обличения несостоятельности другого не замечает, что его он уже отказался от себя. В результате наступает забвение самого себя и покинутость.

Присутствие, по М. Хайдеггеру, как расположение, предполагает заброшенность в определенное место в мире. Это означает, что Я есть в мире, но при этом «отшатывается», то есть стремиться покинуть его. В расположении Я в мире уже есть зависимость, то есть он может оказывать влияние, то есть «задевать». Но, с другой стороны присутствие Я в мире есть расположение, где оно показывает свое. В качестве модусов расположения М. Хайдеггер выделяет страх, который позволяет себя задеть со стороны угрожающего. Существует и иной страх, который относится к соприсутствию, – это страх за..., который «есть способ расположения вместе с другим» [3, с. 142]. По М. Хайдеггеру, расположение, то есть место присутствия в мире конституируется пониманием, которое всегда есть настроением или настроенностью. В понимание себя уже определяется «умение быть», благодаря которому открываются возможности.

При рассмотрении присутствия возникает необходимость прояснения отличия себя от другого, что провоцирует возникновение дистанции [3, с. 127]. Однако такая отстраненность не исключает того, что в повседневном бытии Я оказывается на посылках у другого. Характер этой зависимости и обусловленности зависит от манеры быть. М. Хайдеггер отмечает, что повседневное присутствие связано с поиском некой середины, то есть усреднением того, что подобает, необходимо как обязательное. Это приводит к тому, что «каждый оказывается другой и никак не он сам» [3, с. 128].

Уточним характер проявления инаковости при отношении к другому. Возникает вопрос о «как» присутствии. При обиде подлинность присутствия ускользает, возникает вопрос: в кого Ты превратился? Имеется в виду, что Я уже не может быть самим собой. Чтобы избежать этого обвинения, выдвигается положение, что это только мнение другого, которому не следует не доверять. Так теряется доверие к другому, и, возможно, к миру как целому, который рассматривается как воплощение зла. Именно тогда Я оказывается покинутым, теряется способность видеть своего предназначения. Самость оказывается в забвении, что приводит к лишениям. Источником страданий выступает не только желания, которые всегда на поверхности. Их причиной выступает забвение своей подлинности и ценности. Место себя занимает другой, относительно которого конституируется существование. Можно сколько угодно рассказывать о своих заслугах, возносить свое совершенство, но при этом невозможно обмануть самого себя.

Для прояснения того, что представляет конституирование по М. Хайдеггеру, обратимся к следующему суждению: «Присутствие есть возможность освобождения для своего умения быть» [3, с. 144]. Имеется в виду, что Я обладает определенными возможностями, которые определяются «умением быть». Эти возможности открываются в наброске, в котором открывается перспектива для Я. Как было показано выше, характер этого наброска не является произвольным, а определяется верностью своему Я при установлении отношения к другому. Но как возможно это освобождение? И что такое вообще свобода в экзистенциальном смысле?

Напомним, что М. Хайдеггер разделил присутствие на подлинное и неподлинное, при этом первое ни что иное как верность самому себе. Эта верность не позволяет обидеться, соответственно, презирать или ненавидеть другого. Обрести свободу можно только через служение самому себе. На первый взгляд такая позиция свидетельствует об эгоизме и презрении к другому. Действительно, эгоизм есть стремление поставить себя выше другого и даже мира. В нем есть отрешенность и забвение другого, который оказывается либо лишним, либо тем, которого можно использовать. Служение же самому себе исключает такое отношение, поскольку оно есть возвращение к себе. Служение не позволяет рассматривать другого как воплощение зла, обличать и преследовать. В нем есть проявление достоинства как осознания высоты своего положения. Поэтому невозможна ненависть, поскольку она рассматривается как проявление падения. В этом случае место в мире есть сфера проявления своего достоинства.

Служение самому себе М. Хайдеггер рассматривает как самость, которая характеризуется следующим образом: «Свидетельство должно дать понять способность быть самим собой» [3, с. 267]. Однако будем иметь в виду, что речь идет не об Я как самом, но о человеко-самости, которая стала возможной благодаря

модификации людей. Самость как «способность быть собой» есть положение самого себя по отношению к людям. В этом аспекте Я состоит в «умении присутствия быть», то есть не потеряться в людях, умения найти собственное бытие-самости, что возможно с помощью совести. Это «не потеряться» и есть способность обретения своего Я среди других. Обратим внимание, что М.Хайдеггер обращает внимание только на обусловленность и возможность становления самости, но оставляет в стороне рассмотрение экзистенциальных переживаний. Между тем как неумение «быть собой», то есть обрести Я, нуждается в таком изучении. Потерянность среди людей – это уже трагедия, которая провоцирует страдание и неустроенность в мире. Человек, который не в состоянии обрести себя, страдает, и тогда он осознает неминуемость смерти [3, с. 235-266]. Именно поэтому возникает необходимость исследования бытия к смерти. Соответственно, противоположное можно обозначить как «бытие к жизни». Человек, который нашел себя, осознает свое Я, обретает способность творить. Этот аспект существования детально исследует Н. Бердяев [1].

Бытие к жизни проявляется в подвижничестве В. Кизима рассматривает как проявление современного человека [2, с. 186-191]. Трагедия последнего состоит в том, что его существование определяется стремлением к наживе, которое становится сферой и этом герой спасает себя «за счет человечества» [189]. Он обретает деньги и помощью них наслаждения, о каких только можно мечтать, но теряет себя, поскольку видит свое назначение в манипуляции миром. Ему все дозволено, поскольку Я рассматривается как высшая ценность, которой можно принести жертву не только другого, но и мир. Это и есть бытие к смерти, которое завершается растлением. Бытию к смерти можно противопоставить подвижничество, посредством которого происходит возвращение человеку достоинства [3, с. 191]. Не случайно, В. Кизима ставит следующий вопрос: «... кто победит: возлагающий культ наживы или человеческая самость?» Тот же вопрос о самости ставит М. Хайдеггер, но уже по отношению к бытию к смерти. Возникает необходимость прояснения того, как достигнуть самости, обрести свое Я. По М. Хайдеггеру это возможно в осознании неумолимости смерти, что вызывает страх, одновременно, провоцирует заботу, в первую очередь о самом себе. Для В. Кизимы подвижничество – опора на «человеческое моральное ество», ориентация на самость. Я видит себя в единстве с миром, и действует сообразно этому.

Выводы. Наделение присутствия пространственностью позволяет рассмотреть существование со стороны своеобразия осуществления самости. С одной стороны, она определяется местом расположения в мире, которое устанавливает должное, с другой, потребностью быть собой. Пространственность конституирует характер присутствия, что вызывает тревогу потерять себя. Существует опасность быть лишним, оказаться забытым и никому не нужным. Отчасти положение может спасти послушание, которое предполагает прояснение самости. Но и оно может привести к заблуждению и приписыванию свойств, которые не характерны для себя. На характер присутствия оказывает влияние модус существования, который может быть негативным, не включающим в себя проявление заботы, и различающийся на дефективный и индифферентный. Позитивный же модус предполагает заботу о другом, которая обусловлена потребностью возвеличить самого себя или оказать

содействие другому. Обида свидетельствует о негативном модусе существования, о позитивном же модусе существования говорит наличие достоинства. В позитивном модусе место бытия к смерти занимает подвижничество, которое предполагает заботу не только о себе, но о мире.

Список литературы

1. Heidegger M. Sein und Zeit / М. Heidegger. – Tubingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. – 437 s.
2. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения / Н. А. Бердяев. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 266 с.
3. Кизима В. В. Тоталлогия (философия обновления) / В. В. Кизима. – К. : Парапан, 2005. – 272 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время [пер. с нем. В. В. Биbihина] / М. Хайдеггер. – М. : Ad Marginem, 1997. – 452 с.

Волков О. Г. Аналітика «Я» в онтології М. Гайдеггера і тоталлогії В. Кізіми // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2013. – Т. 26 (65). – № 4. – С. 89–96.

У статті розглядається топологія присутності. Вивчається своєрідність місця в просторі існування. Показується своєрідність розташування залежно від відношення до себе. Місце присутності визначає характер відношення до Я, відповідно, існування. Аналізується проблема збереження самозвеличання при різних трактуваннях буття людини.

Ключові слова: присутність, буття, світ, самозвеличання, Я, інший, вчинок, подія, подвижництво.

Volkov O. H. Analytics of 'ego' in ontology of M. Heidegger and totallogy of M. Kizima // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2013. – Vol. 26 (65). – № 4. – P. 89–96.

In the article the topology of presence is examined. Bringing topological problem of M. Heidegger in ontology the existence relates to ontic interpretation. As life is here and now there is a necessity of consideration of existence depending on the place of presence. Appearance of topological problem in totallogy of V. Kizima is conditioned by the necessity of localization of total as a unit, which remains identical to itself. Place in existentialism is location in the world which determines its originality. Ego, that is understood as totality, has an ability to be identical to the change of location. And however there is a problem of accordance of ego to the place of presence, as exactly it determines character of its application. One of the reasons of fear is the fear to lose the place, to be needed by no one. However the self can do obvious dignities, to find its application. To be local means obediently to execute what it assumes. Manageability without limits can lead to ego renouncing itself. Therefore valuable presence assumes life at the exalt. Life in the world is life with the others that is why it is an event. The place assumes meeting with other, who can put under a doubt location of ego. Event as meeting with the others is an event which opens glorifying. It shows up negative and positive modus of existence. The basic problem of application is in the observance of the glorifying in life in the world. Life to death for M. Heidegger assists its realization and provokes an anxiety. The real basis of existence for V. Kizima is a receipt of dignity.

Keywords: presence, life, world, ego, other, act, event, selfless devotion.